

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ИСТОЧНИК СОВЕТСКОГО ПРАВА 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА

М. С. Диденко

Ростовский государственный экономический университет (Ростов-на-Дону)

Поступила в редакцию 28 февраля 2023 г.

Аннотация: статья посвящена выявлению роли революционного правосознания как источника права в первое десятилетие советской власти. Автор доказывает, что появление данного источника права связано с кризисом общественного правосознания начала XX в. В статье выделены этапы развития революционного правосознания, раскрыта его сущность и показано его место в системе источников советского и российского права.

Ключевые слова: революционное правосознание, источник права, социалистическое правосознание, советский закон, декрет, революционная целесообразность.

REVOLUTIONARY LEGAL CONSCIOUSNESS AS A SOURCE OF SOVIET LAW IN THE 1920TH

M. S. Didenko

Rostov State Economic University (Rostov-on-Don, Russia)

Abstract: the article is devoted to revealing the role of revolutionary legal consciousness as a source of law in the first decade of Soviet power. The author proves that the emergence of this source of law is associated with the crisis of public legal consciousness in the early twentieth century. The article highlights the stages of development of revolutionary legal consciousness, reveals its essence and shows its place in the system of sources of Soviet and Russian law.

Key words: revolutionary legal consciousness, source of law, socialist legal consciousness, Soviet law, decree, revolutionary expediency.

В современной российской юриспруденции распространено представление о нормативно-правовых актах (далее – НПА) как о самом действенном источнике праве. Вследствие этого практически все сферы общественных отношений сегодня урегулированы тысячами законов и миллионами подзаконных актов. Такая множественность НПА не только созда-

ет трудности в организации, упорядочении и обеспечении системности нормативного материала, но и препятствует воплощению альтернативных государственным интересам субъектов права.

В результате этого позитивное право поглощает понятие права и становится единственным предметным мерилем нормального правосознания человека. Негативными последствиями подмены права законом правоведы называют признание правом неправа; утрату авторитета, легитимности, связанности действующего законодательства с реальными субъектами права, а также различные дефекты их правосознания.

О взаимосвязи права и правосознания писали многие юристы (И. А. Ильин, П. И. Новгородцев, И. А. Покровский и др.). По И. А. Ильину, «право говорит на языке сознания и обращается к сознательным существам»¹. Для П. И. Новгородцева кризисы социальной жизни вызваны прежде всего кризисом общественного правосознания. Практическое действие права он напрямую связывает с уровнем правосознания. Право может иметь значение, но не выполнять своего назначения, если существует рознь между действующими нормативными предписаниями и общественным правосознанием². Качество разработки и применения закона И. А. Покровский связывал с уровнем правосознания в обществе³. Только с помощью правосознания можно выработать критерии разумного и справедливого, без которых законодательные построения будут лишены смысла и телеологической ориентировки.

Изучение трудов великих отечественных правоведов позволяет сделать ряд важных выводов о том, что право имеет объективное содержание, динамическая составляющая которого меняется под воздействием смены ценностных ориентиров и условий жизнедеятельности в обществе, но существо права, его разумность и справедливость, остается неизменным при любых обстоятельствах. Уровень соответствия нормативных предписаний ценностным установкам субъектов права, качеству их правосознания определяет практическую реализацию и действенность законодательства.

Резкое изменение системы общественных ценностей приводит к разрыву с действующим правом и кризису правосознания, выражающемуся не только в отрицании старого законодательства, но и поиске его нового содержания. В такие периоды, именуемые в правоведении переходным состоянием государства и права, активизируются творческие силы общества, что приводит к появлению новых организованных и неорганизованных источников права.

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 24.

² См.: Новгородцев П. И. Введение в философию права : кризис современного правосознания. СПб., 2000. С. 14–16.

³ См.: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Петроград, 1917. С. 46.

Руководители Советского государства опирались на идеалы марксизма-ленинизма, не связанные с построением совершенного правопорядка. Данный идеал исключал ценность государства и права как форм организованного насилия над людьми, средства подавления и угнетения трудящихся, ставших основой общественного строя. Поэтому развитие государственных институтов и учреждений в РСФСР имело временный (до построения коммунизма) характер, нацеливалось на формирование бесклассового общества и связывалось с построением социалистических социально-экономических отношений.

Создание нового уклада общественной жизни активизировало поиск новых форм юридического общения в социалистическом обществе, в том числе и источников их выражения⁴. Их разработкой в первое десятилетие советской власти занимались представители трех направлений юридической науки: марксистского, социологического и психологического⁵. Так, В. И. Ленин в работе «Государство и революция» утверждал, что соблюдение несложных правил общественного поведения скоро войдет в привычку, так как введение всенародного управления сделает уклонение от его контроля «неимоверно трудным»⁶.

С точки зрения основателя марксистской школы советского права и создателя теории революционного права П. И. Стучки, право не имеет собственного содержания. Оно определяется характером господствующих в обществе производственных отношений. Революционное сознание не занимало в этой теории ключевого места. Однако П. И. Стучка полагал, что сознание угнетенных масс является важным фактором образования нового права⁷.

Сторонники психологической школы исходили из понимания права, сформулированного Л. И. Петражицким. Право как психологическое переживание должно было достигнуть высшей точки развития в массовом правосознании, и малейшее отклонение от него вызовет всплеск общественного раздражения, направленного на восстановление нарушенных начал общественной организации, прежде всего права на труд и права на социальное обеспечение⁸.

Воззрения Л. И. Петражицкого были трансформированы М.А. Рейснером в интересах советского строя. Он полагал, что «реальное право» пред-

⁴ См.: Шатковская Т. В. Место обычного права в регулировании земельных отношений в первые годы советской власти (1917–1922 гг.) // Юрист-Правоведъ. 2008. № 3(28). С. 87–92.

⁵ См.: Шатковская Т. В. Теоретические построения советских правоведов 20–30-х годов XX века как попытка юридикации неправовой реальности // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2021. Т. 8, № 4. С. 16–20.

⁶ Ленин В. И. Государство и революция. Пгр., 1919.

⁷ См.: Стучка П. И. Революционная роль советского права. М., 1934. С. 101, 121, 123.

⁸ См.: Португалов Г. М. Революционная совесть и социалистическое правосознание. Петербург, 1922. С. 20.

ставляет собой психологию, идеологию и сознание угнетенных классов, прежде всего рабочих, поскольку убеждения данных слоев общества соответствуют требованиям правды и справедливости и имеют правовой характер⁹. Свои представления о праве как форме политической идеологии он переносил в советские декреты (в частности, в Декрет о суде № 1¹⁰), в создании которых принимал непосредственное участие, будучи руководителем отдела законодательных предположений Наркомата юстиции.

Представитель социологической юриспруденции П. А. Сорокин не признавал правильным отказ от идеи права и тесно связывал право с сознанием субъектов. Для него право выражалось в виде объективных психических явлений, убеждений и поступков человека. Он называл право, содержащееся в кодексах и «бессмысленных изысканиях юристов», мертвым. Вследствие этого П. А. Сорокин полагал, что «политическая физикономия общества» складывается из убеждений большинства, выраженных в суждениях, поступках, обрядах, организации социально-политических институтов и учреждений¹¹.

В условиях отказа от юридической догматики и законодательства свергнутых правительств именно революционное правосознание становится основным источником советского права. Данное утверждение основано на изучении первых декретов советской власти. Так, в Декрете о суде № 1 революционное правосознание закреплено в качестве своеобразного фильтра, очищающего советский строй от чуждых ему правил поведения.

Действие революционного правосознания основывалось на приоритете соображений справедливости над формальными требованиями царских законов, не отмененных советскими декретами. Соображения справедливости применялись как в гражданском, так и в уголовном судопроизводстве (ст. 36).

Для революционных трибуналов, выносивших в том числе и расстрельные приговоры, роль революционного правосознания также была основной. Революционное правосознание должно было «подсказать» судьям ревтрибуналов, каким образом обеспечить интересы Советского государства при установленных обстоятельствах конкретного дела контрреволюционной направленности.

С начала 1920-х гг. революционное правосознание становится социалистическим и в законодательстве уступает место основного источника права при рассмотрении судебных споров советским декретам. В частности, в ст. 22 Положения о народном суде закреплялось, что социали-

⁹ См.: Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л. ; М., 1925. С. 194.

¹⁰ Декрет о суде от 22 ноября (5 декабря) 1917 года. Ст. 5 // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1, 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. С. 125.

¹¹ См.: Сорокин П. А. Элементарный учебник по теории права в связи с теорией государства. СПб., 2009. С. 42–46.

стическое правосознание применялось судьями при отсутствии или неполноте декретов Рабоче-Крестьянской власти. Использование законов свергнутых правительств воспрещалось.

В Положении о революционных трибуналах от 27 марта 1920 г. в качестве руководящих критериев судей при вынесении приговора указаны установленные обстоятельства дела и интересы пролетарской революции (ст. 24).

Вместе с тем следует отметить, что в 1920-е гг. революционное правосознание не только не перестало быть источником права, но и, напротив, получило развитие в двух направлениях. Во-первых, революционное правосознание, содержание которого первоначально выражалось такими абстрактными терминами, как интересы революции, интересы пролетарского государства и трудящихся масс, получило четкую формулировку в виде программы-минимум партии ВКП(б).

Во-вторых, при решении дела и назначении наказания судья должен был руководствоваться своим социалистическим правосознанием, т.е. применение данного источника переносится со стадии установления фактических обстоятельств дела (рассмотрения дела) на момент принятия правоприменительного акта, что придает рассматриваемому источнику права даже большее юридическое значение, чем прежде.

Как справедливо отметил Г. М. Португалов, «внутреннее содержание декретной нормы» становится «совершенно однородно с содержанием социалистического правосознания». Отличие между социалистическим правосознанием и декретным правом он видел лишь в том, что первое «пребывало в массовом правосознании», а второе – «в законодательной форме»¹².

Более того, социалистическое правосознание в иерархии источников права стояло выше нормы декрета. Декрет был всего лишь «оттиском» социалистического правосознания. Так, в ст. 9 Уголовного кодекса РСФСР, действовавшего до 1928 г., закреплялось, что назначение наказания производилось судьями по их социалистическому правосознанию «с соблюдением руководящих начал и статей Кодекса»¹³.

В Уголовном Кодексе РСФСР 1926 г. при назначении осужденному мер социальной защиты судья должен был руководствоваться только социалистическим правосознанием с учетом общественной опасности преступления, обстоятельств дела и личности преступника (п. «в» ст. 45)¹⁴.

¹² Португалов Г. М. Указ. соч. С. 24, 38.

¹³ О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) : постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. (ред. от 25.08.1924) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

¹⁴ О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) : постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. (ред. от 27.04.1959) // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

При этом закон как источник для принятия судьей решения по делу в рассматриваемом Кодексе вообще не упоминался.

Решение дела на основе закона не могло противоречить социалистическому правосознанию, содержание которого определялось программой ВКП(б). Причем указанное преимущество, т.е. верховенство социалистического правосознания над законом, сохраняется весь советский период. В частности, в ст. 32 Основ уголовного судопроизводства СССР 1958 г.¹⁵ закреплено, что суд назначает наказание, руководствуясь социалистическим правосознанием, в пределах статьи уголовного закона.

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 9 июля 1982 г. № 7 «О судебном решении», действие которого не отменено до сегодняшнего дня, социалистическое правосознание и закон указаны как равные по юридическому значению источники принятия решения по делу для судей (п. 1)¹⁶.

Все вышеизложенное показывает, что утверждение о временности революционного правосознания как источника права государства в переходном состоянии можно легко опровергнуть, опираясь на советское законодательство и судебные акты.

Революционное, трансформированное в социалистическое, правосознание базировалось на марксистской идеологии. Она получила более конкретное выражение в программных документах коммунистической партии СССР, определявших в свою очередь содержательные пределы социалистического правосознания. Декреты в понимании советских законодателей представляли собой не волеизъявление законодателей, а воплощение в нормативной форме марксистского учения и конкретизацию социалистического правосознания. Тем самым посредством социалистического правосознания в советском законодательстве незримо закреплялся приоритет господствующего политического учения, партийных документов и решений над законом.

Проведенный анализ трудов советских юристов и декретов первого десятилетия советской власти в аспекте выявления места революционного правосознания в системе источников права позволяет сделать следующие выводы: во-первых, революционное правосознание признавалось основным источником права с 1917 по 1920 г., что объяснялось разрывом с прежней дореволюционной правовой традицией, дискуссионностью в советской юридической науке вопросов о возможности построения социалистического строя без использования позитивного права, о

¹⁵ Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : Закон СССР от 25 декабря 1958 г. (ред. от 08.04.1989) // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 6.

¹⁶ О судебном решении : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 9 июля 1982 г. № 7 // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1982. № 4.

роли законодательства при советском строе и его соотношении с государством, а также пробельностью декретного права указанного периода.

На данном этапе революционное правосознание выступало главным средством обеспечения единства правотворчества и правоприменения. В области правотворчества оно создавало идейную взаимосвязь разнообразных несистематизированных декретов. Для правоприменителей, прежде всего судей народных судов и революционных трибуналов, реализовывавших в том числе и меры чрезвычайной репрессии, революционное правосознание стало руководством для оценки фактических обстоятельств дела и уяснения внутреннего содержания советских декретов. Фактически судья и законодатель на данном этапе развития юридической практики сливались в одном лице.

Во-вторых, революционное правосознание не получило должного научного обоснования и разграничения с такими используемыми в качестве синонимических понятиями, как «революционная совесть», «революционная справедливость», «революционная целесообразность». Законодательное определение «революционного правосознания» отличается терминологической латентностью. В советских декретах данный источник права определялся разнообразными терминами: «правосознание трудящихся масс», «революционное коммунистическое правосознание», «революционно-социалистическое правосознание» и др. Анализ их нормативного изложения и толкования в трудах советских юристов позволяет утверждать, что все эти термины имели единое содержание.

Принципиальное отличие революционного правосознания от социалистического состоит в том, что оно творилось волей всего трудящегося народа в интересах революции, что придавало ему черты разрозненности. В то время как социалистическое правосознание имело доктринальное обоснование в марксистской теории научного социализма и базировалось на программных документах коммунистической партии. Оно также носило массовый характер, но охватывало круг лиц, разделявших идеалы марксизма-ленинизма.

В-третьих, революционное правосознание, трансформированное в начале 1920-х гг. в социалистическое правосознание, сохраняло роль источника советского права и руководящего основания в юридической деятельности советских законодателей и правоприменителей, прежде всего судей, в течение всего периода существования Советского государства.

Библиографический список

- Ильин И. А.* О сущности правосознания / И. А. Ильин. – М. : Парог, 1993.
Ленин В. И. Государство и революция / В. И. Ленин. – Пгр., 1919.
Новгородцев П. И. Введение в философию права : кризис современного правосознания / П. И. Новгородцев. – СПб., 2000.

Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – Петроград : Издание юридического книжного склада «Право», 1917.

Португалов Г. М. Революционная совесть и социалистическое правосознание / Г. М. Португалов. – Петербург, 1922.

Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право / М. А. Рейснер. – Л. ; М. : Государственное издательство, 1925.

Сорокин П. А. Элементарный учебник по теории права в связи с теорией государства / П. А. Сорокин. – СПб. : Издательство С.-Петерб. ун-та, 2009.

Стучка П. И. Революционная роль советского права / П. И. Стучка. – М. : Государственное законодательство советское законодательство, 1934.

Шатковская Т. В. Место обычного права в регулировании земельных отношений в первые годы советской власти (1917–1922 гг.) / Т. В. Шатковская // Юристъ-Правоведъ. – 2008. – № 3(28). – С. 87–92.

Шатковская Т. В. Теоретические построения советских правоведов 20–30-х годов XX века как попытка юридизации неправовой реальности / Т. В. Шатковская // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2021. – Т. 8, №4. – С. 16–20.

Декрет о суде от 22 ноября (5 декабря) 1917 года. Ст. 5 // Декреты Советской власти. – М. : Госиздат, 1957. – Т. 1, 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г.

О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) : постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. (ред. от 25.08.1924) // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.

О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) : постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. (ред. от 27.04.1959) // СУ РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : Закон СССР от 25 декабря 1958 г. (ред. от 08.04.1989) // Ведомости ВС СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 6.

О судебном решении : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 9 июля 1982 г. № 7 // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1982. – № 4.

References

Ilyin I. A. On the essence of legal consciousness / I. A. Ilyin. – М. : Rarog, 1993.

Lenin V. I. The State and the Revolution / V. I. Lenin. – Pgr., 1919.

Novgorodtsev P. I. Introduction to the philosophy of law : the crisis of modern Legal consciousness / P. I. Novgorodtsev. – SPb., 2000.

Pokrovsky I. A. The main problems of civil law / I. A. Pokrovsky. – Petrograd : Publishing of the legal book warehouse “Pravo”, 1917.

Portugalov G. M. Revolutionary conscience and socialist legal consciousness / G. M. Portugalov. – Petersburg, 1922.

Reisner M. A. Law. Our right. Someone else's right. General Law / M. A. Reisner. – L. ; М. : State Publishing House, 1925.

Sorokin P. A. Elementary textbook on the theory of law in connection with the theory of the state / P. A. Sorokin. – SPb. : Publishing House of St. Petersburg University, 2009.

Stuchka P. I. The revolutionary role of Soviet law / P. I. Stuchka. – M. : State legislation Soviet legislation, 1934.

Shatkovskaya T. V. The place of customary law in the regulation of land relations in the first years of Soviet power (1917–1922) / T. V. Shatkovskaya // *Jurist-Pravoved.* – 2008. – No. 3(28). – Pp. 87–92.

Shatkovskaya T. V. Theoretical constructions of Soviet jurists of the 20–30s of the twentieth century as an attempt to legitimize non-legal reality / T. V. Shatkovskaya // *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University.* – 2021. – Vol. 8, No. 4. – Pp. 16–20.

Decree on the Court of November 22 (December 5), 1917. Article 5 // *Decrees of Soviet power.* – M. : Gosizdat, 1957. – Vol. 1, October 25, 1917 – March 16, 1918.

On the introduction of the Criminal Code of the R.S.F.S.R. (together with the Criminal Code of the R.S.F.S.R.) : resolution of the Central Executive Committee of June 1, 1922 (ed. of 25.08.1924) // *SU RSFSR.* – 1922. – No. 15. – St. 153.

On the enactment of the Criminal Code of the R.S.F.S.R. edition of 1926 (together with the Criminal Code of the R.S.F.S.R.) : resolution of the Central Executive Committee of November 22, 1926 (ed. of 27.04.1959) // *SU RSFSR.* – 1926. – No. 80. – St. 600.

On the approval of the Fundamentals of the Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics: The Law of the USSR of December 25, 1958 (ed. from 08.04.1989) // *Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR.* – 1959. – No. 1. – Article 6.

On the judicial decision : resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of July 9, 1982, No. 7 // *Bulletin of the Supreme Court of the USSR.* – 1982. – No. 4.

Для цитирования:

Диденко М. С. Революционное правосознание как источник советского права 20-х годов XX века // *Журнал юридической антропологии и конфликтологии.* 2023. № 2(3). С. 94–102.

Recommended citation:

Didenko M. S. Revolutionary legal consciousness as a source of soviet law in the 1920th // *Journal of Legal Anthropology and Conflictology.* 2023. No. 2(3). Pp. 94–102.

Сведения об авторе

Диденко Марина Сергеевна – ассистент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии РГЭУ (РИНХ), г. Ростов-на-Дону

E-mail: mn2303@mail.ru

Information about author

Didenko Marina Sergeevna – Assistant of the Department of Criminal and Penitentiary Law, Criminology of Rostov State Economic University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: mn2303@mail.ru